

АВТОГРАФ

Илена ЛИЕПА:

КП в Москве (прил. к Комс. правде) - 1996 - 23 окт.

«Если бы я делала только то, что может предложить театр, то меня как балерины просто бы не было»

- У вас очень необычное имя. Интересно, как вас родители называли в детстве?

- Просто Илза. Мое имя не звучит в уменьшительно-ласкательном варианте.

- Как я понимаю, в детстве перед вами не стояла проблема выбора профессии?

- Наша судьба складывалась, как в любой театральной семье. Мать наша - актриса театра, много снималась в кино. У отца свободного времени практически не было. С одной стороны, жизнь нашей семьи была безалаберна, в общепринятом смысле мы были больше, чем другие дети, предоставлены самим себе. Но, с другой стороны, она была озарена влюбленностью в искусство.

Когда я поступила в хореографическое училище, мой отец сказал мне: «Илза, запомни, детство закончилось. Ты должна забыть подруг и кукол». И действительно, у нас не оставалось времени, чтобы гулять по улице, встречаться с друзьями. И я, кстати, не жалею, что в общепринятом понимании детства у нас не было.

- А юность в общепринятом понимании, с влюбленностями, первыми познаниями взрослой жизни, была?

- В выпускном классе у меня был прекрасный педагог - Наталья Викторовна Золотова. Она была с нами необыкновенно строга и требовательна - нам нельзя было пользоваться косметикой, нельзя было носить украшений. Нам было сказано следующее: если я увижу, что кто-то курит, если я только узнаю об этом... Вы вылетите из класса. И это для нас было страшным наказанием. И в то время когда наши сверстницы уже ходили в бары, рестораны, влюблялись, страдали, находили время для развлечений, мы даже не знали, что это такое. Но, с другой стороны, я рада, что благодаря моему педагогу до выпуска из училища мы оставались подростками относительно обремененной взрослыми проблемами жизни и наше затянувшееся детство сохранило нас для профессии.

- А теперь вы нашли свою любовь?

- Нет.

- А были замужем?

- Да.

- Дети у вас есть?

- Нет.

- Готовы ли вы ради балета отказаться от жизни по-женски счастливой?

- Для человека, занимающегося искусством, его работа становится его жизнью, его образом мышления и поглощает все его время. Но тем не менее я не считаю, что это то, ради чего человек приходит в этот мир. Есть вещи более глубокие, более серьезные и философские. Поэтому я стараюсь воспринимать мою профессию как путь, который есть в жизни на данный момент, и абсолютно трезво, спокойно ждать, что будет завтра.

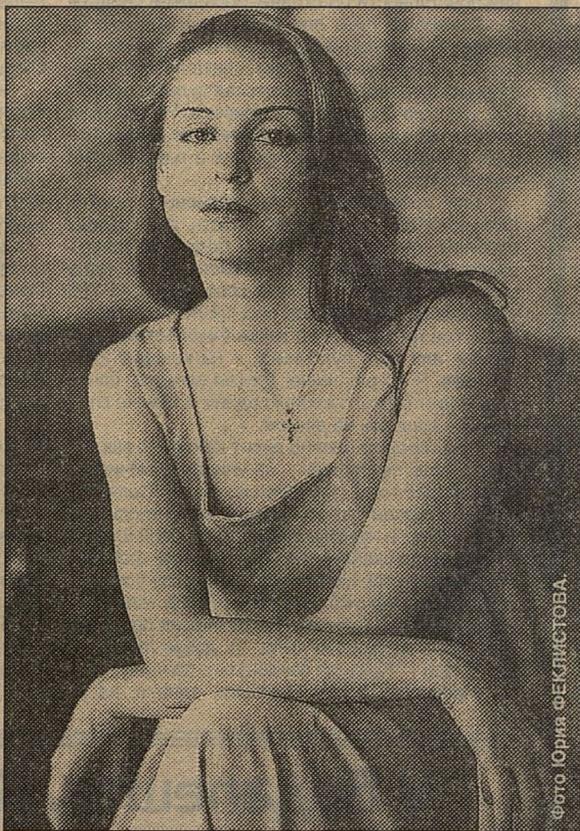

фото Юрия Фединского

- У вас были в детстве какие-то другие ув- Кто ваши кумиры в балете?

- Наш отец всегда был для нас реальным примером служения профессии. На особом пьедестале для меня оказалась Анна Павлова. Все, что связано с ее именем, для меня дорого. Она - символ русского балета. Когда я приехала в Лондон на гастроли с Большим театром, ко мне с особым вниманием отнеслись кураторы музея Анны Павловой. Это даже не музей, а дом, где она жила, и его настоящие хозяева оставляют две комнаты для экспозиции, которую сохраняют энтузиасты.

С музеем Анны Павловой я до сих пор поддерживаю дружеские отношения. Мы переписываемся. Я получила от них, можно сказать, бесценный подарок - видеокассету с записью Анны Павловой, где она исполнила миниатюру «Ночь» в собственной постановке. В мире ее никто не исполняет. Вручив мне эту видеозапись, они сказали, что хотели бы, чтобы я исполнила этот номер, и даже принесли ноты и образец костюма, который на ней был. В один из своих первых творческих вечеров я исполняла эту миниатюру.

- С тех пор как в Большой пришел Владимир Васильев, вам, наверное, стало спокойнее работать, ведь Марис Лиена и Владимир Васильев много танцевали вместе, дружили?

- От общения с Владимиром Василье-

вом у меня остались яркие детские впечатления, воспоминания. Как-то мы с родителями отдыхали в санатории «Актер» в Сочи - мои родители и Володя Васильев с Катей Максимовой. (Несмотря на мое безграничное уважение к их таланту, для меня они с детства «Катя» и «Володя».) Екатерина Сергеевна каждый день занималась в спортивном зале, и отец меня подбросил к ней. Я, наверное, ей мешала, но я вместе с ней делала тоже растяжки, гимнастику.

У Васильева я тоже училась. В детстве я много болела. Меня отдали Владимиру Викторовичу на обучение плаванию, дабы оздоровить. Васильев надеялся, что я научусь нырять с пирса, учил-учил меня, объяснял-объяснял, а потом плюнул, потому что понял, что я могу нырять только «бомбочкой».

Отец сумел передать нам ностальгическую любовь, преклонение и уважение к звездной плеяде 60-80-х годов, которые подарили миру удивительных танцовщиков и балерин - Плисецкую, Максимова, Васильева, Владимирову, Бессмертнову, Сорокину, Тимофееву... Это уважение осталось в нас.

Что же касается непосредственно профессии... Сейчас я - балерина Большого театра. Но если бы я делала только то, что мне может предложить театр, то меня как балерины просто не было. Это не проблема моя или моих взаимоотношений с театром, это проблема нашего поколения. Творческого выражения, условий для собственной максимальной реализации почти никто не может найти.

В этом смысле моя судьба складывается более благополучно и не похожа на судьбы моих коллег. Ко всему прочему, я - худрук ассоциации «Золотой век», в которую вошли солисты Мариинского театра, Киевской национальной оперы, Латвийского балета и многие другие. Мы ездим с гастролями, мы ставим собственные спектакли.

- Получается, что вам приходится заниматься еще и организационными проблемами... Наверное, в балетном искусстве, где требуются большие декорации, «живой» оркестр, дела обстоят еще труднее, чем в других театральных коллективах...

- И мировые труппы, такие, как Гранд-опера, зачастую вынуждены выступать под фонограмму, поэтому нельзя сказать, что это главная проблема балетного искусства в нашей стране.

Конечно, сейчас непросто. Несколько лет назад параллельно с театром я начала выступать с собственными творческими вечерами. Я стала исполнять не просто номера, а спектакли. При организации выступлений мне приходилось сталкиваться с разными людьми, меня подчас обманывали, я оказывалась в странных зависимых ситуациях.

во с ассоциацией «Золотой век» радует меня. Это очень здорово, в проектах ассоциации - балетные, оперные спектакли.

- Какие же проекты готовит «Золотой век»?

- В ноябре предстоит премьера нового спектакля «Мадам Бовари». Этот балет ставит Майкл Шенон. 20 ноября в Большом театре состоится вечер, посвященный Марису Лиене. В этом году моему отцу исполнилось бы шестьдесят лет. Это особый концерт, который требует огромного труда всей нашей команды.

- Вы продолжаете экспериментировать и как драматическая актриса?

- Конечно, мне всегда это было интересно. В прошлом году я, например, записала пьесу на радио. Балерину, которая играет в кино, может озвучить другая актриса, какие-то актерские огрехи убрать при монтаже. А вот балерина, которая записывается на радио, где голос является основным и единственным инструментом эмоционального воздействия, - совсем другое дело... Это с моей стороны, конечно, был дерзкий шаг...

Но я постаралась подойти к этому серьезно. Мне подсказали систему, по которой я должна работать: я ездила в машине и все время занималась речью, по вечерам в лицах читала пьесы. И должна сказать, что запись, которая проходила в течение трех дней, доставила мне огромное удовольствие. Голос меня слушался.

- Чем вы занимаетесь в выходные дни?

- У меня нет выходных, у меня нет свободного времени. Выходной обычно становится самым насыщенным днем, когда нужно успеть еще больше, чем в обыкновенный день. Но когда есть свободная минутка, я теперь в основном читаю духовную литературу. Это дает мне те необходимые внутренние силы. Еще я читаю литературу, которая мне нужна для профессии. Пожалуй, особое место занимают Пушкин и Толстой - всегда можно открыть у них любое произведение и перечитать. Люблю хорошие стихи...

- Илза, что для вас счастье?

- Счастье?! Ну, это в принципе вопрос всей жизни. Нужно прожить всю жизнь, чтобы суметь серьезно на него ответить.

- Сейчас вы счастливы?

- Разве счастье может быть состоянием протяженным? Можно пережить какой-то этап жизни и потом понять, что ты был счастлив. Слово «счастье» включает в себя некий эмоциональный подъем. Мне кажется, что в жизни ценнее духовная гармония и мир с самим собой, чем страстные моменты вихорного подъема.

- А сцена?

- Сцена очень редко становится счастьем. Те моменты, когда выход на сцену стал счастьем, каждая балерина может сосчитать по пальцам. Все остальное - это работа.

Беседовала Наталия Юнгвальд-Хилькевич.